

По Монголии до границъ Тибета.

ГЛАВА V ¹⁾.

Путь экспедиціи по Тибету.

День выстушения.—Лагерь въ горахъ Бурханъ-Будда.—Долина озера Алыкъ-норъ и охота на тибетскихъ медвѣдей.—Хребетъ Амнэ-н'коръ и видъ на плато и озеро Русское.—Климатическія невагоды.—Неожиданная встрѣча съ тибетцамъ: разбойничье племя н'голокъ.

Съ приходомъ экспедиціи въ Цайдамъ ²⁾, первый актъ ея дѣятельности могъ считаться оконченнымъ. Цѣлый годъ экспедиція провела главнымъ образомъ среди мирныхъ добродушныхъ монголовъ, изучая ихъ страну, знакомясь съ ихъ бытомъ и пользуясь для передвиженія верблюдами, обхожденію съ которыми въ путешествіи русскіе люди скоро выучиваются, въ особенности подъ руководствомъ опытнаго старшаго.

Въ Цайдамѣ съ этимъ, незамѣнимымъ въ пустынь, животнымъ мы должны были разстаться. Его смѣнили быки-яки или хайныки—обитатели горъ и высокихъ плоскогорій Тибета, гдѣ проживаютъ народности, столь же непохожія по своимъ нравамъ и обычаямъ на коренныхъ монголовъ, сколько разнятся и верблюды отъ упрямыхъ, свирѣпыхъ яковъ.

¹⁾ См. «Воен. Сб.» 1911 г., № 5.

²⁾ Географическая граница сѣвернаго Тибета.

Быки двигаются по горамъ крайне медленно, неся на спинѣ тяжесть, наполовину уступающую таковой силѣ средняго верблюда. При всемъ томъ быки-яки чаще подвергаются повальнымъ болѣзнямъ, нежели верблюды, отчего и путешествіе на этихъ животныхъ обходится нерѣдко значительно дороже, не говоря уже о физическихъ трудностяхъ, которыя являются минимальными только при путешествіи на справедливо прославленномъ «кораблѣ пустыни».

Громоздкіе и тяжеловѣсныя вьюки мы оставили въ Цайдамѣ, при складѣ и метеорологической станціи экспедиціи, а свой тибетскій багажъ, доведенный до самыхъ ограниченныхъ размѣровъ, уложили въ ящики средней и малой величины, а также въ соотвѣтствующіе мѣшки и сумы. Идеальнымъ вьюкомъ на быка или на яка служить пара ящиковъ патроновъ, представляющихъ вѣсъ, считая и войлочную обшивку, около пяти пудовъ. Однако, какъ мы ни уменьшали свой багажъ въ Тибетѣ, все-таки набралось тридцать пять вьюковъ, согласуясь съ числомъ которыхъ пришлось приобрести до сорока быковъ, почти исключительно хайныковъ.

Въ личный составъ тибетскаго отряда экспедиціи, помимо меня и моихъ ближайшихъ сотрудниковъ, гг. Казнакова и Ладыгина, вошло двѣнадцать человѣкъ гренадеръ и казаковъ, въ подспорье къ которымъ по уходу за непривычными быками были взяты въ Цайдамѣ еще четверо мѣстныхъ монголовъ: двое—Дадай и Чакдуръ—изъ хошуна Цзунъ (Восточный) и двое другихъ—Гардэ и Джэрой—изъ западнаго хошуна. Первый изъ нашихъ туземныхъ спутниковъ по Тибету—Дадай—еще служилъ Н. М. Пржевальскому въ качествѣ проводника и переводчика тибетскаго языка во время его третьяго путешествія по Центральной Азіи, при возвращеніи нашего знаменитаго путешественника изъ-подъ Лхассы въ Цайдамъ. Такимъ образомъ тибетскій отрядъ былъ доведенъ до девятнадцати человѣкъ, долженствовавшихъ слѣдовать на лошадахъ, съ ружьями за плечами.

Весеннее солнце пригрѣвало между тѣмъ сильнѣе и сильнѣе. Кустарники и травянистая растительность ожили и принарядили унылую долину Цайдама; въ воздухѣ, напоенномъ ароматомъ свѣжей растительности, цѣлыми днями не смолкало жужжаніе насекомыхъ и щебетаніе ласточекъ, витавшихъ надъ хырмой или укрѣпленіемъ. Всѣхъ насъ неудержимо влекло на югъ—въ горы, которыя теперь чаще стали открываться нашему взору своими темно-синими ущельями.

Въ половинѣ мая мы закончили наше тибетское снаряженіе. Наступило и 17-е число этого пріятнаго весенняго мѣсяца, когда назначено было и самое выступленіе въ далекій и малоизвѣстный путь.

Съ ранняго утра мы всё были на ногахъ; крѣпостной дворъ весь заполнился вьюками, быками и людьми. Русская рѣчь перемѣшивалась съ монгольской и китайской. Помимо отъѣзжающихъ, набралось не мало и посторонняго люда. Одни хлопочуть, работаютъ; другіе праздно толкаются, мѣшаютъ. Началась вьючка быковъ, но какъ она не похожа на вьючку верблюдовъ: многіе упрямы-быки ложатся, иные прыгаютъ и, освободившись изъ рукъ людей, «даютъ козла», пока не избавятся окончательно отъ вьюка. Долго мы провозились съ вьючкой въ тѣсномъ запертомъ помѣщеніи и только въ полдень, въ самое жаркое время дня, оставили хырму и вышли на просторъ долины. Тутъ можно было свободнѣе вздохнуть и осмотрѣться. Черезъ два-три часа караванъ быковъ, раздѣленныхъ на три партіи, пошелъ надлежащимъ порядкомъ, держа направленіе къ югу. Оглядываясь назадъ, мы все прощались съ хырмой, которая теперь стала и для насъ очень близка и дорога; надъ ней командующе выдѣлялась метеорологическая будка и русскій, трехцвѣтный, бѣло-сине-красный флагъ. Муравьевъ, обреченный на долгое одиночество, стоялъ на плоской кровлѣ фанзы и слѣдилъ за удалявшимся караваномъ...

За постепенно поднимавшейся по направленію къ горамъ щебне-галечной пустыней, высится хребетъ Бурханъ-Будда, втянувшись въ одно изъ ущелій котораго—Номохунъ—мы расположились бивакомъ. Подлѣ насъ бурлила рѣчка и пріятно рокотали впадающіе въ нее ручьи; вмѣсто пыли и солончаковъ, мы уже ступали по мягкимъ зеленымъ лужайкамъ, слушая монотонные голоса клушицъ, кэкэликовъ, каменныхъ голубей и другихъ пернатыхъ.

Со стороны внутренняго замкнутаго центрально-азиатскаго бассейна хребетъ Бурханъ-Будда производитъ впечатлѣніе массивнаго однообразнаго вала, поднимающаго свой довольно плоскій гребень до 17,000 футовъ надъ моремъ, но, тѣмъ не менѣе, только мѣстами касается онъ линіи вѣчнаго снѣга, который поддерживаетъ рѣчки, стремящіяся изъ горъ въ двѣ противоположныя стороны. Ущелья обоихъ склоновъ хребта каменисты, дики, мѣстами крайне узки и мрачны и, благодаря скудному орошенію, довольно пустынно и унылы. Немногія и сравнительно маловодныя рѣчки, по

выходѣ изъ горъ, въ большинствѣ случаевъ, скрываются въ землю, чтобы затѣмъ обнаружиться на днѣ долины въ видѣ ключей или источниковъ.

Миновавъ кочевья монголовъ, экспедиція прибыла въ средній поясъ хребта, въ область богатыхъ альпійскихъ настбищъ, гдѣ, въ цѣляхъ большаго ознакомленія съ горами и выкормки животныхъ, мы прожили около недѣли.

Такая сравнительно продолжительная стоянка была кстати еще и для постепеннаго приспособленія къ разрѣженному воздуху нашихъ организмовъ, въ особенности новичковъ спутниковъ, болѣе слабые изъ которыхъ тутъ же, на 13,500 футовъ надъ моремъ, поболѣли день-два; затѣмъ все миновало благополучно и всѣ мы съ успѣхомъ могли экскурсировать въ окрестныхъ безлюдныхъ ущельяхъ. Горная флора стала пробуждаться все больше и больше и обогащать нашъ гербарій. Неутомимый коллекторъ-ботаникъ Ладыгинъ съ приходомъ въ горы ожилъ и цѣлые дни проводилъ въ ущельяхъ, тщательно изслѣдуя ихъ. Въдавшему сборами главнымъ образомъ безпозвоночныхъ, Казнакову, было не менѣе интересно наполнять банки и ящики неизвѣстными ему дотолѣ видами моллюсковъ, жуковъ и мухъ, а также ящерицъ и змѣй, какъ равно препаратору Телешову стрѣлять свойственныхъ Тибету звѣрей и птицъ. Словомъ, дѣятельность членовъ экспедиціи проявилась въ горахъ, въ лучшее время года, во всю ширь: не даромъ такъ сильно всѣхъ насъ влекло сюда изъ непривѣтливаго Цайдама.

Наша огромная, свирѣпая собака Гарза все еще находилась на привязи изъ опасенія жестокихъ нападений на монголовъ, не исключая даже и своихъ прежнихъ хозяевъ, тогда какъ со всѣми нами она успѣла освоиться, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ изъ бурятъ, которые иногда одѣвали свои національные костюмы: на этихъ она продолжала бросаться. Сила этой собаки была просто изумительна; во время напряженнаго лая она легко перетаскивала съ одного мѣста на другое патронный ящикъ, вѣсомъ въ два съ половиною пуда, къ которому была привязана въ теченіе дня. Ночью же ей предоставлялась полная свобода; тогда монголы должны были держать ухо остро.

Двадцать седьмого мая, на зарѣ, мы двинулись впередъ съ цѣлью перевалить хребетъ Бурханъ-Будда, что и удалось сдѣлать къ девяти часамъ морознаго яснаго утра. Подъемъ на сѣдловину хребта крутъ и каменистъ и въ верхней части былъ покрытъ плотнымъ слоемъ снѣга.

Дадай, цайдамскій монголь, переводчикъ тибетскаго языка.

Хребетъ Амнэ-н коръ (съ сѣвера).

Со стороны Цайдама, окутаннаго сѣро-желтой пыльной дымкой, дулъ рѣзкій пронизывающій вѣтеръ при температурѣ въ пять съ половиною градусовъ холода; слоисто-кучевыя облака, сбиваясь у главныхъ вершинъ, образовывали свинцовыя мрачныя тучи, которыя по временамъ раздражались снѣжной крупой. Видъ на тибетское нагорье представлялся крайне суровый: надъ общимъ темно-желтымъ сонмомъ горныхъ уваловъ, словно вата, висѣли кучевыя облака.

Въ сосѣдствѣ перевала животной жизни не было обнаружено; растительная также находилась въ оцѣпенѣннн отъ холода. Только спустившись къ окраинѣ короткаго южнаго склона горъ, рѣчка оказалась свободной отъ льда и на ея берегахъ стали чаще показываться пріятныя для глазъ лужайки, на которыхъ валялись черепа и другія кости дикихъ яковъ, иногда удивительно большихъ размѣровъ. Самыхъ же звѣрей въ этой мѣстности мы не встрѣтили, хотя свѣжіе слѣды, отпечатанные на влажной глинистой почвѣ, большого стада дикихъ яковъ довольно ясно указывали на ихъ здѣсь пребываніе; небольшое же общество каменныхъ барановъ или аргали и одинокій медвѣдь пробѣжали въ виду нашего каравана.

Дальнѣйшій путь экспедиціи лежалъ въ юго-западномъ направленіи, къ озеру Алыкъ-норъ, на сѣверо-восточномъ берегу котораго мы и расположились бивакомъ среди мягкой зелени. Пользуясь удовлетворительной погодой, гг. Казнаковъ и Ладыгинъ совершили въ первый же день, двадцать восьмого мая, плаваніе по озеру въ лодкѣ съ цѣлью произвести измѣреніе глубины воднаго слоя и собрать планктонъ. Озеро было пересѣчено съ сѣвера на югъ, въ восточной половинѣ, причемъ наибольшая глубина—пятнадцать сажень—обнаружена у южнаго возвышеннаго берега, а наименьшая у низменнаго сѣвернаго; отсюда глубина постепенно увеличивалась на протяженіи семи-восьми верстъ и только за одну версту до южнаго берега стала быстро уменьшаться.

На второй день пребыванія на Алыкъ-норѣ я отправился съ ранняго утра для глазомѣрной съемки озера. Начавъ объѣздъ послѣдняго съ сѣвернаго берега, я долженъ былъ возвратиться по восточному. Въ личный составъ разѣзда вошелъ, кромѣ меня, Бадмажанова и Бадукшанова, еще и монголь. Всѣ мы ѣхали верхами на лошадахъ, имѣя у сѣделъ только самое необходимое въ охотничьей экскурсіи—чайникъ, чашки и небольшой запасъ продовольствія. Погода стояла отличная—тихая, ясная и мы, восхищаясь чудною лазурью неба, могли въ то же время, благодаря про-

зрачности воздуха, отлично различать и отдаленные предметы прилежащей долины.

Сѣверный берегъ озера носить однообразный характеръ; илистыя отмели выдѣлялись полуостровками или островками, служившими пристанищемъ для многочисленныхъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ; кое-гдѣ залегали родники, окаймленные свѣжей зеленью, на которой паслись хуланы и антилопы; но больше всего насъ интересовали медвѣди, свѣжіе слѣды которыхъ были замѣчены вскорѣ по выступленіи съ бивака; казалось, что звѣри, переночевавъ на возвышенной площадкѣ, съ наступленіемъ утра отправились тѣмъ же берегомъ и въ ту же сторону, куда держали направленіе и мы. Дѣйствительно, медвѣди вскорѣ показались; не только въ бинокль, но и простымъ глазомъ можно было различить крупнаго самца и значительно меньшихъ размѣровъ самку, слѣдовавшихъ вмѣстѣ. Соблазнъ поохотиться за звѣрями увеличивался тѣмъ болѣе, что медвѣди были какъ разъ на нашей дорогѣ. По мѣрѣ приближенія къ звѣрямъ стало выясняться, что послѣдніе были заняты любовною игрою и что поэтому подойти къ нимъ на дистанцію выстрѣла не представить особаго труда.

Оставивъ лошадей, я съ Бадмажановымъ направился къ медвѣдямъ, соблюдая, конечно, охотничью сноровку; въ воздухѣ все еще стояла обычная утренняя тишина: подброшенная вверхъ тонкая пыль возвращалась на то же мѣсто или едва замѣтно относилась въ противоположную сторону, слѣдовательно не было основанія опасаться того, что звѣри насъ учуютъ; достигнувъ, однако, ровной площадки, на которой находились медвѣди, мы были тотчасъ ими замѣчены. Мишка мгновенно остановился и поднялся на дыбки, пристально глядя въ нашу сторону; медвѣдица приблизилась къ самцу и также насторожилась; оба звѣря превратились словно въ изваяніе. Настала минута общаго напряженнаго вниманія. Условившись заблаговременно кому стрѣлять въ того или другого звѣря, мы одновременно пустили въ медвѣдей двѣ пули. Мой Мишка грузно свалился на-земь, медвѣдица также послѣдовала было его примѣру, но вскорѣ поднялась и почти незамѣтно отползла въ ложечекъ, а затѣмъ совершенно скрылась; когда же мы подошли къ убитому на повалъ медвѣдю, то медвѣдица была уже на значительномъ разстояніи; бинокль обнаруживалъ ея быстрое движеніе и временныя остановки, когда напуганный звѣрь напрасно оглядывался въ нашу сторону. Мой спутникъ взгрустнулъ было объ ушедшей мед-

вѣдичъ, но я его постарался утѣшить тѣмъ, что онъ будетъ имѣть возможность много разъ исправить свою ошибку.

Снявъ шкуру съ убитаго звѣря и приторочивъ ее къ сѣдлу одной изъ лошадей, мы были готовы слѣдовать дальше, какъ неожиданно, со стороны сосѣдняго болота, я замѣтилъ шедшаго къ намъ навстрѣчу одинокаго медвѣдя. Пока я находился въ раздумьѣ, какъ поступить съ этимъ новымъ звѣремъ, послѣдній будто нарочно приближался и приближался къ намъ; наконецъ, шагахъ въ четырехстахъ отъ насъ залегъ. Сойдя съ лошади, я быстро направился къ медвѣдю и, подойдя къ нему шаговъ на сто двадцать, двумя пулями, выпущенными одна за другой изъ штуцера Бердана, окончательно уложилъ и этого Мишку. Шкура второго медвѣдя была такая же хорошая, какъ и перваго убитаго самца; поэтому мы тотчасъ же приступили къ ея препарировкѣ.

Въ желудкѣ послѣдняго медвѣдя оказалось содержимое яицъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, какимъ-либо плавающимъ или голенастымъ птицамъ, гнѣздившимся на болотѣ; желудокъ же перваго Мишки, наслаждавшагося передъ смертью любовною игрою, былъ совершенно пустъ.

Завьючивъ и вторую шкуру медвѣдя, мы успѣшно продвинулись къ подножью холма Тологойнынъ, гдѣ, на берегу прозрачной рѣчки, устроили временный приваль. Сухое топливо дало возможность быстро развести хорошій, яркій огонь, на которомъ поджарили шашлыкъ и сварили чаю; аппетитъ у насъ былъ завидный. Отпущенныя на свободу лошади благодушествовали на зеленыхъ лужайкахъ. День нашей экскурсіи отличался превосходной погодой: небо было совершенно безоблачно; высоко поднявшееся солнце грѣло ощутительно. Лежа на лугу, я невольно смотрѣлъ на манившее къ себѣ лазурное небо. Тамъ, высоко-высоко, мелькали хищныя птицы-грифы, отъ остраго зрѣнія которыхъ не ускользнули оставленные нами трупы медвѣдей; воздушные странники держали путь къ добычѣ, куда потомъ словно бомбы низвергались съ высоты. Вооружившись биноклемъ, я сталъ вглядываться въ мѣсто, гдѣ были убиты медвѣди; къ одному изъ труповъ приблизился сначала хуланъ и, описавъ около него дугу, подозрительно остановился, поднявъ высоко голову, затѣмъ понесся съ мѣста въ карьеръ. Въ небѣ все еще мелькали хищники, направлявшіеся къ общему центру—добычѣ, гдѣ теперь, какъ говорится, шель «пиръ-горой».

Къ вечерней зарѣ мы благополучно возвратились на главный бивакъ, въ недалекомъ сосѣдствѣ съ которымъ паслось много ху-

лановъ и антилопъ-оронго, вызывавшихъ у моихъ юныхъ спутниковъ восторженное удивленіе красивыми формами своего сложенія, величиной и посадкой роговъ, а также быстрой и оригинальной побѣжкой.

Прослѣдовавъ почти на всемъ восточномъ протяженіи долиной Алыкъ-норинъ-хола, мы затѣмъ ее оставили и вблизи ключа Кукубулыкъ втянулись въ одно изъ ущелій Амнэ-н'кора, съ цѣлью перевалить означенный хребетъ и двигаться дальше опять въ южномъ направленіи. Вначалѣ довольно привѣтливое ущелье это, по мѣрѣ нашего движенія вверхъ, становилось болѣе дикимъ, каменистѣе, круче и тѣснѣе; тропинка то появлялась, то исчезала. Одинъ изъ нашихъ монголовъ-спутниковъ, Джэрой, незамѣнимый какъ пастухъ караванныхъ животныхъ и никуда негодный какъ проводникъ, въ роли какового онъ былъ данъ намъ Барунъ-цзасакомъ, вскорѣ по вступленіи въ горы вынужденъ былъ сознаться, что онъ не знаетъ дороги. Принявъ это обстоятельство къ свѣдѣнію, я перевелъ добродушнаго Джэроя изъ авангарда въ арьергардъ, а по отношенію къ направленію пути сталъ довѣряться собственному соображенію, пріобрѣтенному за время моихъ продолжительныхъ странствованій.

Первый день, 6-го іюня, пребыванія въ горахъ Амнэ-н'коръ ознаменовался страшнымъ холодомъ, въ связи съ обильнымъ снѣгомъ, падавшимъ хлопьями съ ранняго утра до полудня и покрывшимъ землю толстымъ, свыше фута, слоемъ. Выбившіеся изъ силъ быки требовали отдыха и мы принуждены были остановиться у подножія главной оси горъ, освободивъ животныхъ изъ подъ ихъ тяжелыхъ вьюковъ. Сосѣднія скалистыя вершины, вѣнчающія гребень, порою открывались, порою совершенно заволакивались набѣгавшими облаками, картинно ставшимися по горамъ. При наибольшей крутизнѣ, какая только допустима при подъемахъ на перевалы, мы стали взбираться на сѣдловину остраго каменистаго гребня, абсолютная высота котораго опредѣлилась въ 16,000 фута.

Виды по сторонамъ перевала были закрыты: съ сѣвера—не перестававшимъ падать снѣгомъ, съ юга—второй цѣпью хребта. Обычнаго на перевалахъ обо здѣсь не было; слѣдовательно, этимъ проходомъ туземцы не пользуются; дорога же была проторена, по всему вѣроятію, звѣрями—дикими яками и хуланами.

Спускъ съ безымяннаго перевала сѣверной цѣпи оказался круче подъема, но за то скорѣе вывелъ насъ на луговое дно ущелья, несмотря на то, что быковъ приходилось мѣстами проводить по одному и поддерживать отъ возможнаго ихъ паденія въ пропасть.

Къ сумеркамъ мы устроились бивакомъ и могли отдохнуть отъ перенесенныхъ невзгодъ. Усталость была такъ велика, что медвѣдь, появившійся у насъ чуть не на бивакѣ, смогъ уйти отъ насъ «по-добрѣ по-здорову». Мишка слѣдовалъ по дну ущелья, снизу вверхъ, и, проходя мимо скаль, поднимался на заднія лапы и презабавно чесалъ спину о шероховатые выступы камней.

Проживъ нѣсколько дней въ области Амнэ-н'корскихъ горъ, мы направились въ дальнѣйшій путь къ югу. Теперь пришлось подниматься на южную цѣпь горъ по перевалу, отысканному нашимъ развѣздомъ. Змѣеобразная тропа извивалась по крутому скату или пересѣкала болѣе доступные лога, по которымъ ютились замѣчательно красивые и интересные вьюрки (*Kozlowia Roborowskii*). Не надолго остановившись, я застрѣлилъ парочку изъ нихъ, спѣша скорѣе на вершину гребня. Еще полчаса, и мы были на перевалѣ, откуда радостно смотрѣли на широкой горизонтъ, открывавшійся въ южную сторону. Туда уходило типичное тибетское нагорье, спускъ на которое былъ значительно короче, нежели подъемъ. Приблизительно въ серединѣ открывшагося пространства, среди зеленовато-желтыхъ мягкихъ холмовъ, блестѣла поверхность довольно большого озера Оринъ-нора, за нимъ, въ синѣющей дали, темнѣлъ въ основаніи и бѣлѣлъ по гребню вало-образный хребетъ—водораздѣлъ Желтой и Голубой рѣкъ. Разрѣженный воздухъ былъ замѣчательно прозраченъ и способствовалъ обманчивому приближенію озера, на которомъ безъ особеннаго труда можно было различить его береговья очертанія. Долго я не могъ оторваться отъ наблюденія этой своеобразной картины...

Спустившись съ горъ въ долину, мы на первомъ луговомъ участкѣ разбили бивакъ. Мѣсто нашего лагеря, судя по очагамъ, нерѣдко посѣщалось мѣстными охотниками. Погода между тѣмъ измѣнилась къ худшему; холодный порывистый вѣтеръ давалъ себя порядкомъ чувствовать; въ продолженіе всей ночи падалъ снѣгъ, покрывшій землю полуфүтовымъ слоемъ; температура спустилась до 7 градусовъ. Впечатлѣніе было настоящей зимы и это двѣнадцатаго іюня! Нѣсколько смягчающимъ обстоятельствомъ служила темная безснѣжная полоса, разстилавшаяся на югѣ, въ сосѣдствѣ Оринъ-нора.

Обождая просвѣтленія воздуха, мы направились внизъ по долинѣ, держа направленіе къ ближайшему сѣверному заливу озера. Снѣгъ быстро таялъ, въ особенности когда изъ-за кучевыхъ облаковъ показывалось солнце; природа снова оживилась—послыша-

лись звонкіе голоса большихъ и малыхъ жаворонковъ, перелетавшихъ по холмамъ.

На слѣдующій день, въ десять часовъ утра, экспедиція уже раскинула свои бѣлые шатры въ мѣстѣ истока знаменитой рѣки Китая, на берегу озера, зеленовато-голубыя волны котораго гулко ударялись объ его песчано-галечные берега.

Наканунѣ прихода на Оринъ-норъ, мы встрѣтили разѣздъ тибетцевъ племени Н'голокъ, численностью въ четыре человекъ, которые были приняты нами съ обычнымъ гостепріимствомъ. Н'голоки сообщили намъ, что они составляютъ маленькій авангардъ многочисленнаго н'голокскаго каравана, бивакирующаго на сѣверо-западномъ берегу того же Оринъ-нора. Общее число паломниковъ, возвращавшихся изъ Лхассы въ извилину Желтой рѣки, н'голоки намъ опредѣлили въ шестьсотъ человекъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, раздѣленныхъ на восемьдесятъ огней или группъ, слѣдовавшихъ во главѣ съ однимъ изъ своихъ начальниковъ.

Во время посѣщенія нашихъ палатокъ, н'голоки украдкою смотрѣли на наше вооруженіе, стараясь скрыть настоящее впечатлѣніе. Замѣтивъ это, мы показали имъ свою новую трехлинейную винтовку съ магазиномъ. «Несмотря на вашу малочисленность, говорили н'голоки, васъ никто не обидитъ; ваши драгоценныя ружья всегда спасутъ васъ; если многіе изъ насъ были того же мнѣнія и раньше, то естественно, что теперь еще больше укрѣпятся въ такомъ взглядѣ. Намъ н'голокамъ можно побѣдить васъ только хитростью, коварствомъ: пробравшись въ вашъ лагерь подъ видомъ продавцевъ съѣстныхъ продуктовъ, партіей человекъ въ тридцать, и по извѣстному сигналу, врасплохъ, обнаживъ сабли, набросятся на васъ, чтобы въ минуту-двѣ перерубить весь вашъ отрядъ. Вести же съ вами сраженіе, въ особенности въ открытой долинѣ, какъ, напримѣръ, здѣсь, совершенно безразсудно». Увидѣвъ затѣмъ револьверъ послѣдняго образца, н'голоки пришли въ еще большій восторгъ, замѣтивъ: «пожалуй и нашъ затаенный планъ при наличности у «русскихъ» подобнаго вооруженія ни къ чему не приведетъ—они вынутъ изъ кармановъ такія маленькія мим-да—ружья и перебьютъ насъ прежде, нежели кто-либо изъ «н'голоковъ» попытается лишь обнаружить свой заговоръ».—«Я помню, продолжалъ говорить одинъ изъ н'голоковъ, какъ мы пытались было въ свое время воевать съ такими же людьми, какъ вы, въ Амнэ-мачинѣ, но ничего не вышло—намъ порядочно попало!»... Ну, пріятель, подумалъ я, съ тобою мы уже давно знакомы. заинтере-

совавшись сообщеніемъ н'голока, я предложилъ ему вопросъ: «куда же направились тѣ люди, о которыхъ онъ намъ рассказываетъ». Н'голокъ, нисколько не задумываясь, отвѣтилъ: «въ монастырь Рарчжа-гомба!»

На этомъ свиданіи съ первыми встрѣчными н'голоками у насъ и окончилось.

На пути же къ озеру Оринъ-норъ, а также и во время самой стоянки на его берегахъ, мы наблюдали движеніе главнаго н'голокъ-скаго каравана, слѣдовавшаго эшелонами. Н'голоки двигались семьями—съ большими и малыми дѣтьми, завьюченными въ открытыхъ ящикахъ или корзинахъ по обѣ стороны животнаго, за исключеніемъ грудныхъ малютокъ, которыхъ матери везли за пазухами. Въ теченіе двухъ дней н'голоки проходили въ виду нашего бивака. Глядя на передвиженіе этой дикой орды, мнѣ живо вспомнилось изъ исторіи описаніе нашествій гунновъ, готовъ и другихъ кочевниковъ на Европу.

Разсчитывая провести значительную часть лѣта въ извилинѣ верхней Хуанъ-хэ, мною было принято за правило держаться дружественныхъ отношеній съ номадами вообще, въ особенности же съ н'голоками, съ которыми русскимъ экспедиціямъ приходилось уже по необходимости, въ видахъ самозащиты, вступать въ вооруженныя столкновенія. Поэтому при встрѣчѣ съ н'голоками, направлявшимися домой во главѣ съ однимъ изъ главныхъ управителей, мы были обрадованы, надѣясь путемъ дружбы и знакомства расположить его къ себѣ и такимъ образомъ обезпечить экспедиціи свободный путь внизъ по невѣдомому уголку Хуанъ-хэ. Лишь только мы успѣли устроить нашъ бивакъ при озерѣ, въ стрѣлкѣ, обезпечивающей намъ отличную и выгодную въ боевомъ отношеніи позицію, какъ къ намъ прибыло трое н'голоковъ. Старикъ, помощникъ Ринчинъ-шяма, явился за начальника, будучи сопровождаемъ двумя бравыми тибетцами, не считая человѣкъ семи молодежи, упражнявшейся по дорогѣ къ намъ въ джигитовкѣ. Весь тибетскій эскортъ былъ вооруженъ обычнымъ порядкомъ. Трое гордыхъ н'голоковъ, сойдя съ лошадей, непринужденно направились въ нашу палатку, при входѣ въ которую, только по нашему требованію, разстались съ ружьями; затѣмъ, занявъ обычное для гостей мѣсто и коротко привѣтствовавъ насъ, они спросили: «кто мы такіе и куда направляемся?» Я отвѣтилъ, что мы русскіе, пришли издалека, познакомились со многими странами и людьми и въ скоромъ времени надѣемся также посѣтить и ихъ землю, по-

чему очень рады представившемуся случаю познакомиться съ храбрыми изъ тибетцевъ, для начальника которыхъ имѣемъ хорошіе подарки. Надѣюсь, заключилъ я, что мое желаніе завязать хорошія отношенія съ ихъ начальникомъ не встрѣтитъ препятствій, какъ одинаково мнѣ не будетъ отказано и въ проводникахъ для дальнѣйшаго слѣдованія внизъ по Желтой рѣкѣ или Ма-чю. На послѣдній вопросъ старикъ, безъ предварительнаго доклада Ринчинъ-шяму, энергично, не колеблясь отвѣтилъ: «проводниковъ вамъ не дадутъ, хотя онъ и доложитъ своему начальнику какъ объ этомъ, такъ и о томъ приметъ ли Ринчинъ-шямъ одного изъ моихъ помощниковъ, командруемаго съ подарками и для личныхъ переговоровъ. Послѣ часовой бесѣды н'голоки уѣхали обратно, охотно отвѣдавъ предложеннаго имъ чая и сластей.

Отвѣтъ, ожидавшійся нами съ большимъ нетерпѣніемъ, наконецъ былъ привезенъ тѣмъ же престарѣлымъ дипломатомъ. Старикъ повелъ рѣчь: «Нашъ князь не желаетъ ни знакомства съ вами, ни тѣмъ болѣе вашей дружбы, поэтому отказываетъ и въ просимыхъ вами проводникахъ. Знакомство съ княземъ и данные имъ проводники еще не могутъ служить русскимъ полной гарантіей безопасности, такъ какъ у нихъ вооруженное столкновеніе можетъ произойти не исключительно съ н'голоками, входящими въ составъ хошуновъ, подвѣдомственныхъ нашему князю, но скорѣе подобнаго рода недоразумѣнія предвидятся со стороны обитателей другихъ хошуновъ, подлежащихъ вѣдѣнію прочихъ шести князей, что можетъ навлечь на Ринчинъ-шяма невольную отвѣтственность».

Несмотря на всѣ мои доводы, я не получилъ благосклоннаго отвѣта; на слѣдующее утро секретарь князя совсѣмъ не показался въ нашъ лагерь, что навело насъ на очень грустныя размышленія, такъ какъ, согласно уговору, въ непріѣздѣ къ намъ секретаря мы должны были видѣть нерасположеніе къ намъ н'голоковъ и допускать возможность вооруженнаго столкновенія.

Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, намъ не удалось посѣтить кочевій н'голоковъ ни въ передній путь экспедиціи, ни во время обратнаго ея слѣдованія въ Цайдамъ. Тѣмъ не менѣе краткія свѣдѣнія, собранныя нами путемъ разспросовъ частью отъ самихъ н'голоковъ, частью отъ ихъ сосѣдей Дзачюкавасцевъ, не будутъ излишними, такъ какъ могутъ пролить немного свѣта на ту крайне интересную народность, о которой намъ до послѣдняго времени почти что ничего не было извѣстно.

Какъ давно существуетъ и извѣстно племя н'голокъ, намъ не удалось узнать. Намъ лишь рассказывали, что черезъ земли н'голоковъ нѣкогда проходилъ Линь-Гэсуръ или Гэсуръ-ханъ и что въ очень давнія времена одинъ изъ далай-ламъ проклиналъ н'голоковъ одновременно съ другимъ тибетскимъ племенемъ, живущимъ гдѣ-то на югѣ, вблизи границы Индіи, за то будто бы, что эти два племени не принимали буддизма и не хотѣли признать власти далай-ламы. Проклятiе это и до сихъ поръ тяготѣетъ надъ н'голоками, хотя теперь они и буддисты, но власти далай-ламы надъ собою не признаютъ, какъ и власти Китая. Ограбятъ ли они кого, украдетъ ли кто нибудь у нихъ скотъ, они въ переговорахъ по такимъ дѣламъ всегда заносчиво заявляютъ прежде всего: «насъ, н'голоковъ, нельзя сравнивать съ прочими людьми! Вы, кого бы это изъ тибетцевъ ни касалось, подчиняетесь чужимъ законамъ: законамъ далай-ламы, Китая и всякого своего маленькаго начальника; боитесь каждаго человѣка; каждому человѣку, страха ради, вы подчиняетесь, короче—вы боитесь всего! Не только вы, но и дѣды и прадѣды ваши были таковы. Мы же н'голоки съ незапамятныхъ временъ подчиняемся только своимъ собственнымъ законамъ и побужденіямъ. Каждый н'голокъ родится уже съ сознаниемъ своей свободы и съ молокомъ матери познаетъ свои законы, которые никогда не были измѣнены. Каждый изъ насъ чуть не рождается съ оружіемъ въ рукахъ; наши предки были воинственны, храбры, такими же являемся и мы—достойные ихъ потомки. Чужихъ совѣтовъ мы не слушаемъ и слѣдуемъ лишь указаніямъ своего ума, съ которымъ каждый н'голокъ родился непремѣнно. Вотъ почему мы были всегда свободны, какъ и теперь, не подчиняемся никому—ни богдыхану, ни далай-ламѣ. Наше племя одно изъ самыхъ достойныхъ, высокыхъ въ Тибетѣ, и мы вправѣ съ презрѣніемъ смотрѣть на всѣхъ остальныхъ сосѣдей и не только на тибетцевъ, но даже и на китайцевъ».

Что они дѣйствительно не признаютъ власти далай-ламы и Китая, н'голоки доказываютъ тѣмъ, что грабятъ гэгэновъ и разносятъ богдыханскія войска.

Говорятъ, что вообще всѣ семь главныхъ начальниковъ н'голоковъ, обитающихъ въ извилинѣ верхней Хуань-хэ, завели очень строгій этикетъ: никто изъ подчиненныхъ не имѣетъ права безпочинтъ ихъ по маловажнымъ дѣламъ, никто не смѣетъ войти въ ихъ помѣщеніе безъ доклада и проч. Живутъ они или въ своихъ красивыхъ постройкахъ, сооруженныхъ изъ камня, глины и дерева, или

чему очень рады представившемуся случаю познакомиться съ храбрыми изъ тибетцевъ, для начальника которыхъ имѣемъ хорошіе подарки. Надѣюсь, заключилъ я, что мое желаніе завязать хорошія отношенія съ ихъ начальникомъ не встрѣтитъ препятствій, какъ одинаково мнѣ не будетъ отказано и въ проводникахъ для дальнѣйшаго слѣдованія внизъ по Желтой рѣкѣ или Ма-чю. На послѣдній вопросъ старикъ, безъ предварительнаго доклада Ринчинъ-шяму, энергично, не колеблясь отвѣтилъ: «проводниковъ вамъ не дадутъ, хотя онъ и доложитъ своему начальнику какъ объ этомъ, такъ и о томъ приметъ ли Ринчинъ-шямъ одного изъ моихъ помощниковъ, командруемаго съ подарками и для личныхъ переговоровъ. Послѣ часовой бесѣды н'голоки уѣхали обратно, охотно отвѣдавъ предложеннаго имъ чая и сластей».

Отвѣтъ, ожидавшійся нами съ большимъ нетерпѣніемъ, наконецъ былъ привезенъ тѣмъ же престарѣлымъ дипломатомъ. Старикъ повелъ рѣчь: «Нашъ князь не желаетъ ни знакомства съ вами, ни тѣмъ болѣе вашей дружбы, поэтому отказывается и въ просимыхъ вами проводникахъ. Знакомство съ княземъ и данные имъ проводники еще не могутъ служить русскимъ полной гарантіей безопасности, такъ какъ у нихъ вооруженное столкновеніе можетъ произойти не исключительно съ н'голоками, входящими въ составъ хошуновъ, подвѣдомственныхъ нашему князю, но скорѣе подобнаго рода недоразумѣнія предвидятся со стороны обитателей другихъ хошуновъ, подлежащихъ вѣдѣнію прочихъ шести князей, что можетъ навлечь на Ринчинъ-шяма невольную отвѣтственность».

Несмотря на всѣ мои доводы, я не получилъ благосклоннаго отвѣта; на слѣдующее утро секретарь князя совсѣмъ не показался въ нашъ лагерь, что навело насъ на очень грустныя размышленія, такъ какъ, согласно уговору, въ непріѣздѣ къ намъ секретаря мы должны были видѣть нерасположеніе къ намъ н'голоковъ и допускать возможность вооруженнаго столкновенія.

Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, намъ не удалось посѣтить кочевій н'голоковъ ни въ передній путь экспедиціи, ни во время обратнаго ея слѣдованія въ Цайдамъ. Тѣмъ не менѣе краткія свѣдѣнія, собранныя нами путемъ разспросовъ частью отъ самихъ н'голоковъ, частью отъ ихъ сосѣдей Дзачюкавасцевъ, не будутъ излишними, такъ какъ могутъ пролить немного свѣта на ту крайне интересную народность, о которой намъ до послѣдняго времени почти что ничего не было извѣстно.

Какъ давно существуетъ и извѣстно племя н'голокъ, намъ не удалось узнать. Намъ лишь рассказывали, что черезъ земли н'голоковъ нѣкогда проходилъ Линь-Гэсуръ или Гэсуръ-ханъ и что въ очень давнія времена одинъ изъ далай-ламъ проклялъ н'голоковъ одновременно съ другимъ тибетскимъ племенемъ, живущимъ гдѣ-то на югѣ, вблизи границы Индіи, за то будто бы, что эти два племени не принимали буддизма и не хотѣли признать власти далай-ламы. Проклятіе это и до сихъ поръ тяготѣетъ надъ н'голоками, хотя теперь они и буддисты, но власти далай-ламы надъ собою не признаютъ, какъ и власти Китая. Ограбятъ ли они кого, украдутъ ли кто нибудь у нихъ скотъ, они въ переговорахъ по такимъ дѣламъ всегда заносчиво заявляютъ прежде всего: «насъ, н'голоковъ, нельзя сравнивать съ прочими людьми! Вы, кого бы это изъ тибетцевъ ни касалось, подчиняетесь чужимъ законамъ: законамъ далай-ламы, Китая и всякого своего маленькаго начальника; боитесь каждаго человѣка; каждому человѣку, страха ради, вы подчиняетесь, короче—вы боитесь всего! Не только вы, но и дѣды и прадѣды ваши были таковы. Мы же н'голоки съ незапамятныхъ временъ подчиняемся только своимъ собственнымъ законамъ и побужденіямъ. Каждый н'голокъ рѣдится уже съ сознаниемъ своей свободы и съ молокомъ матери познаетъ свои законы, которые никогда не были измѣнены. Каждый изъ насъ чуть не рождается съ оружіемъ въ рукахъ; наши предки были воинственны, храбры, такими же являемся и мы—достойные ихъ потомки. Чужихъ совѣтовъ мы не слушаемъ и слѣдуемъ лишь указаніямъ своего ума, съ которымъ каждый н'голокъ родился непремѣнно. Вотъ почему мы были всегда свободны, какъ и теперь, не подчиняемся никому—ни богдыхану, ни далай-ламѣ. Наше племя одно изъ самыхъ достойныхъ, высокихъ въ Тибетѣ, и мы вправѣ съ презрѣніемъ смотрѣть на всѣхъ остальныхъ сосѣдей и не только на тибетцевъ, но даже и на китайцевъ».

Что они дѣйствительно не признаютъ власти далай-ламы и Китая, н'голоки доказываютъ тѣмъ, что грабятъ гэгэновъ и разносятъ богдыханскія войска.

Говорятъ, что вообще всѣ семь главныхъ начальниковъ н'голоковъ, обитающихъ въ извилинѣ верхней Хуань-хэ, завели очень строгій этикетъ: никто изъ подчиненныхъ не имѣетъ права безпочинтъ ихъ по маловажнымъ дѣламъ, никто не смѣетъ войти въ ихъ помѣщеніе безъ доклада и проч. Живутъ они или въ своихъ красивыхъ постройкахъ, сооруженныхъ изъ камня, глины и дерева, или

же въ палаткахъ, или даже въ монгольскихъ юртахъ, извѣстныхъ у нихъ подъ названіемъ «урго».

Среди населенія н'голоковъ, да и во всемъ Тибетѣ вообще, существуетъ легенда о томъ, откуда берется и держится въ н'голокахъ воинственный духъ и чѣмъ обуславливается ихъ успѣхъ въ грабежахъ и войнахъ. Говорятъ, что Линъ-Гэсуръ, проходя черезъ земли н'голоковъ, въ урочищѣ Арчунъ, потерялъ свой чудодѣйственный ножъ и не нашелъ его. Этому-то ножу, который такъ и остался не найденнымъ съ тѣхъ поръ, какъ пропалъ, и приписываютъ воинственный духъ и успѣхи н'голоковъ. Независимо отъ сего, поддержаніе богатства и обезпеченіе успѣховъ, въ какихъ бы то ни было предпріятіяхъ н'голоковъ, приписывается также и святымъ горамъ Амнэ-мачинъ или иначе Мачинъ-бумра; послѣднее названіе, вѣроятно, принадлежитъ одной изъ главнѣйшихъ вершинъ общаго хребта Амнэ-мачинъ, который въ восточной окраинѣ, омываемой съ трехъ сторонъ рѣкою Ма-чю, особенно высоко поднятъ надъ моремъ и вслѣдствіе этого богатъ колоссальными ледниками, производящими своеобразное зрѣлище при солнечномъ и лунномъ освѣщеніи. На горѣ Мачинъ-бумра, гдѣ много небольшихъ кумиренъ, н'голоки лѣтомъ приносятъ жертвы и отправляютъ богослуженія. Гора эта настолько чтима, что ни одинъ н'голокъ, утромъ собираясь ѣсть дома или въ пути, или наконецъ отправляясь на грабежъ, не рѣшится прикоснуться къ ѣдѣ и питью, не бросивъ предварительно нѣсколько ложекъ въ воздухъ, по направленію къ горѣ, принося ей такимъ образомъ съ молитвою жертву...

П. Козловъ.

